

*Латушко Ю.В.
Latushko Yu.V.*

Академия и люди: эскиз к портрету учёного

The Academy and the people: a sketch for a portrait of the scientist

В конце декабря 2011 г. состоялось общее собрание высшей научной организации страны – Российской академии наук, на котором были избраны новые действительные члены и члены-корреспонденты РАН. К настоящему времени общая численность «генералов» от науки составляет около 1300 человек. Это примерно в два раза больше, чем было в СССР. Для тех, кто следит за судьбой отечественной науки понятно, что «академическая кольчужка» великовата современной России, так как ей досталась наука гиперцентрализованной сверхдержавы, которая более не соответствует современному весу страны. В принципе, в росте численности руководящих постов нет ничего удивительного. Через это проходили многие кризисные социумы, и на профессиональном языке это называется «перепроизводством элиты». Однако этот факт, до тех пор, пока он не связан с серьёзными ресурсными издержками, в первую очередь приводит лишь к инфляции элитного статуса. Здесь уместна аналогия с миром финансов: например, мощь экономики Японии не определяется количеством нулей курсовой стоимости йены. Гораздо более серьёзной проблемой отечественной науки является трагический разрыв между тем, что всё ещё может наша наука и потребностями современных российских экономики и общества. Причём, эту проблему часто не верно трактуют, полагая, что, создав прорыв в каком-либо одном или нескольких направлениях (всем знакомо слово «нанотехнологии»), можно догнать уходящий локомотив передовой науки, которая сегодня уже не имеет неперемного аджектива «западная». Данная ситуация хорошо иллюстрируется случаем нарушения технико-гуманитарного баланса, о чём я уже писал в ряде своих статей. Тривиальная мысль состоит в том, что в ходе конкуренции за хайтек ни одна передовая научная держава не может позволить себе роскошь «запустить» гуманитарную науку. Эта мысль может быть подробно аргументирована и если у читателя возникнет интерес, я с удовольствием вернусь к обсуждению данной темы. Пока отметим ещё одно обстоятельство. В научной структуре России есть большие диспропорции в отраслевом и территориальном планах. Последнее имеет непосредственное отношение к нашей части «ойкумень» и опять отсылает нас к советскому опыту. Прежде существовали две комплиментарные системы – прикладная отраслевая и фундаментальная академическая наука. Ныне система отраслевых НИИ сохранилась в виде небольших островков. Фундаментальная тоже пострадала, но сохранила целостность. Следствием стал заметный перекося в сторону последней. В Министерстве образования и науки сегодня пытаются реформировать Академию весьма странным способом, обвиняя её в малом количестве

ЛАТУШКО Юрий Викторович, к.и.н., научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** latushko@mail.ru

прикладных разработок и создании малого числа инновационных предприятий. Это очень, мягко говоря, недальновидно.

Какова же современная структура РАН? В настоящее время в Академии работают примерно 55 тысяч учёных, т.е. чуть меньше того, что было в СССР (по состоянию на 1985 г.). Однако доля технического персонала снизилась сильнее, так что сегодня многие научные сотрудники вынуждены выполнять работу, не связанную напрямую с их квалификацией. Как известно специализация труда крайне важна с точки зрения его производительности и это одна из проблем. Число академических институтов по сравнению с 1985 г. увеличилось с примерно 330 до 470 в 2008 г. При этом Академию сокращали численно в среднем на 20% в ходе так называемого «пилотного проекта» реструктуризации РАН, начиная с 2006 г. В перспективе Правительство планирует создать в рамках Академии «институты-лидеры», увеличив их финансирование за счёт 20% сокращения численности институтов-аутсайдеров. Я нигде не нашёл объяснение пресловутой цифре 20%, поэтому будем подходить к ней магически – как к «сакральному числу аппаратчика» (числу СЧА). Иррациональность многих телодвижений вокруг Академии была бы смешной, если бы не серьёзность открывающихся за ними перспектив. Детальные критерии аттестации институтов я пока не встретил, возможно, это государственная тайна.

Академия построена по научно-отраслевому и территориальному принципу и включает 11 отделений по областям наук, 3 региональных отделения и 15 региональных научных центров. Подробнее остановимся на самом маленьком региональном отделении – Дальневосточном отделении РАН. Самым большим центром ДВО является Приморский научный центр, остальные пять центров существенно меньше. Всего в Отделении работают 6470 сотрудников, из них около 20 действительных членов и 30 членов-корреспондентов РАН, примерно 390 докторов наук и 1230 кандидатов наук. Отделение включает 34 НИИ, 40 стационаров, 12 организаций социальной и обслуживающей сферы, кроме того, на балансе Отделения 9 научных судов и 2 заповедника. Дальневосточное отделение с центром во Владивостоке лишь немногим меньше Уральского отделения (г. Екатеринбург) и в пять раз меньше Сибирского (г. Новосибирск). Удельный вес Дальневосточного отделения в Академии небольшой (около 10%), но если смотреть относительно численности населения региона, то он один из самых высоких. Помимо научной функции отделение имеет стратегически важное значение для сохранения обширных территорий Дальнего Востока в составе России.

Есть ещё одно правило – по мере продвижения на восток страны специализация НИИ по ряду научных направлений уменьшается, и они часто носят комплексный характер. Например, Институт истории, археологии и этнографии, в котором мне выпала честь работать, есть только в ДВО, в других отделениях по каждому направлению есть отдельный НИИ (либо археология и этнология отделены от истории). С точки зрения кадрового состава долгое время в исторической науке Дальнего Востока не было ни одного действительного члена или члена-корреспондента РАН (последним был основатель Института истории, академик Андрей Иванович Крушанов). С конца прошлого года ситуация стала меняться. Ниже мне бы хотелось рассказать читателям об одном замечательном учёном, теперь уже члене-корреспонденте РАН Николае Николаевиче Крадине. Я думаю, это имя известно многим специалистам не только нашего региона. Тем не менее, есть хороший повод напомнить некоторые моменты его биографии. Сразу хочу оговориться, при написании статьи мне чрезвычайно трудно было подобрать нужную интонацию, чтобы не скатиться до неуместного жанра панегирика, поэтому я постарался за-

нять нейтральную позицию, хотя, будучи учеником Николая Николаевича и зная его вот уже почти двадцать лет мне, возможно, не в полной мере это удалось.

Николай Николаевич Крадин родился в 1962 г. в пос. Онохой Заиграевского района Бурятской АССР. В порядке спекуляции можно предположить, что место рождения косвенно повлияло на последующие научные интересы учёного. Н.Н. Крадин – известный нomaдолог, специалист по кочевым обществам Евразии.

В школу Николай пошёл в культурной столице страны – г. Ленинграде – где в Академии художеств СССР учился его отец Николай Петрович Крадин, ныне известный историк архитектуры, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук. Здесь позволим себе ещё одну спекуляцию: детство в культурной столице не могло не повлиять на маленького Николая, а то, что он повлиял на своих одноклассников нам известно доподлинно – лексикон ленинградских первоклашек значительно расширился за счёт крепких сибирских слов.

Вскоре нашему герою пришлось переехать в Хабаровск, где он окончил среднюю школу № 34 и откуда уехал поступать на исторический факультет Иркутского государственного университета. При том, что Николай учился на историческом факультете, извечная нелюбовь гуманитариев к точным наукам его миновала, не в последнюю очередь благодаря стараниям его мамы Людмилы Петровны – учителя математики. Не случайно, что логичность и последовательность суждений так присущи книгам и научным докладом Николая Николаевича. С точки зрения культуры умственного труда его можно, пожалуй, назвать педантом. Другой страстью Николая в юные годы был спорт, особенно футбол, где он также добился значительных достижений.

В 1985 г. Николай Николаевич поступает на работу в Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, где продолжает трудиться и по сей день. В 1990 г. он защищает кандидатскую диссертацию «Социально-экономические отношения у кочевников (Современное состояние проблемы и её роль в изучении средневекового Дальнего Востока)», которую выполнил под руководством д.и.н. Э.В. Шавкунова. Ещё до защиты выходит в свет первая монография Н.Н. Крадина «Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе» (1987). Остановимся подробнее на его научных взглядах.

В области теории нomaдизма им была выдвинута гипотеза самостоятельного пути эволюции обществ кочевников-скотоводов. Надо напомнить, что в советское время бытовала концепция кочевого феодализма, согласно которой кочевники могли достигать особым путём государственного уровня развития. Н.Н. Крадин для описания структур подобного рода предложил термин «суперсложное вождество», что тогда было непривычным для уха ортодоксального советского исследователя. Теория уровней социальной интеграции, где особое место уделялось вождескому этапу развития, развивалась в рамках некогда популярного на Западе направления неозолюционизма. Данное направление было близко и понятно ищущим относительной свободы от прокрустова ложа марксистской методологии творческим молодым советским учёным, к числу которых относился и Н.Н. Крадин.

В 1992 г. вышла в свет монография «Кочевые общества», в которой автор формулирует целостную теорию особого «экзополитарного» способа производства у наиболее крупных обществ кочевников. То есть – такие общества основывались на различных способах внешней эксплуатации земледельцев (набеги, вымогание даров, завоевания). Причём, данные сообщества были тем сильнее, чем сильнее были их земледельческие симбиоты. Отсюда был всего один шаг до мир-системного анализа, ко-

Фото 1. Н.Н. Крадин в окружении выпускников, 2010 г.

торый автор с успехом сделал позднее. Впоследствии вместо термина «экзополитарный» (что было данью марксистской традиции) он стал использовать другой термин «ксенократия». Многие из ранних идей были развиты и усовершенствованы автором в книгах и статьях, посвящённых крупным объединениям кочевников («кочевым империям») – хунну, киданям, монголам.

Н.Н. Крадин является универсальным специалистом, как и положено учёному-антропологу. Собственно он выступает ключевой фигурой в становлении Дальневосточной антропологической школы. Помимо широкого узко исторического образования, он ещё и превосходный этнолог и археолог, проводивший свои исследования в Бурятии, Забайкалье, Монголии, Туве, Китае, на Дальнем Востоке России – в Приморье и Приамурье. С 2004 г. под его руководством ведутся раскопки средневековых городов кочевых империй на территории России и Монголии. В 2011 г. была опубликована книга «Чинтолгой-балгас», в которой суммированы результаты изучения этого уникального археологического памятника эпохи империи Ляо. К настоящему времени Н.Н. Крадин – автор более 300 научных работ, в том числе 9 монографий и 29 коллективных монографий. Он также является членом различных международных и российских антропологических, археологических и политических научных ассоциаций (EASA, EAA, IINC UNESCO, РАПН) а также редколлегий научных журналов («Россия и АТР», «Личность, культура, общество»,

«История и современность», «Вестник Бурятского научного центра», «Social Evolution and History»).

Будучи студентом исторического факультета Уссурийского педагогического института, в середине 1990-х я впервые познакомился с проблематикой политической антропологии именно благодаря лекциям Николая Николаевича, который тогда ещё только начинал свою преподавательскую деятельность. С тех пор Н.Н. Крадиным было написано немало работ, включая и самый лучший учебник по политической антропологии на русском языке (2001), выдержавший уже несколько изданий. Я же до сих пор рекомендую своим студентам блестящий обзор теорий вожества в западной литературе, написанный Н.Н. Крадиным для книги «Ранние формы политической организации» (под ред. В.А. Попова, Санкт-Петербург, 1995), ставшей сегодня библиографической редкостью.

Незаметно для себя, я перешёл к ещё одной выдающейся грани учёного – преподавательской. Здесь ему также есть чем гордиться. С 1999 по 2011 гг. он возглавлял кафедру социальной антропологии ДВГТУ. В настоящее время, после слияния университетов, он руководит кафедрой всеобщей истории, археологии и антропологии Гуманитарной школы Дальневосточного федерального университета. При огромной административной нагрузке он остаётся одним из самых превосходных лекторов, которого по достоинству ценят студенты. Немалое их число связало свой путь с исторической наукой, в том числе и ваш покорный слуга.

Личные достижения Н.Н. Крадина уже давно не принадлежат ему одному, как это часто бывает с талантливыми учёными. Я уверен, что признание его заслуг – это и признание дальневосточной исторической науки, и большой шанс для её развития и придания ей современного уровня. Я также полагаю, что в лице Николая Николаевича Российская академия наук приобрела ценного подвижника. Разговор об Академии и людях её составляющих будет продолжен.

Этапы профессионального пути Н.Н. Крадина

1985 г. – высшее образование по специальности «историк», Иркутский государственный университет

1985-1988 гг. – лаборант, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН

1988-1990 гг. – аспирантура ИИАЭ ДВО РАН, стажировка в Институте этнографии АН СССР

1990 г. – защита кандидатской диссертации по специальности 07.00.02 – «отечественная история»

1990-1992 гг. – научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН

1992-1994 гг. – заведующий отделом археологии ИИАЭ ДВО РАН

1994-2000 гг. – старший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН

1994-1996 гг. – профессор кафедры всеобщей истории Уссурийского государственного педагогического института

1996-2002 гг. – доцент и профессор кафедры политических процессов Института политики и права Дальневосточного государственного технического университета

1999-2011 гг. – заведующий кафедрой социальной антропологии ДВГТУ

2000-2011 гг. – профессор кафедры всеобщей истории Института истории и философии Дальневосточного государственного университета

- 2000-2004 гг. – ведущий научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН
2001 г. – стажировка в лаборатории социальной антропологии CNRS, Франция
2004 г. – приглашённый профессор Университета кочевых цивилизаций при Международном институте изучения кочевых цивилизаций ЮНЕСКО, Монголия
2004-2008 гг. – главный научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН
2008 г. – приглашённый профессор Университета Пардубице, Чехия
2008 г. – настоящее время – заведующий центром политической антропологии ИИАЭ ДВО РАН
2010 г. – стажировка в Институте доисторической и раннеисторической археологии, Германия
2011 г. – настоящее время – заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и антропологии Дальневосточного федерального университета
2011 г. – член-корреспондент Российской академии наук

*Коллектив журнала «Ойкумена»
поздравляет Николая Николаевича с присвоением звания
члена-корреспондента Российской академии наук,
желает научного долголетия и новых открытий!*